

ДУМА НА ГРОБѢ ГРАФА СПЕРАНСКАГО (*).

Около полулѣтка шому назадъ, воснипанникъ Владимірской Семинаріи, въ простомъ шулутѣ, съ нѣ-

(*) Эта статья прислана при слѣдующемъ письмѣ:

Прилагаемую здѣсь мною *Думу на гробъ Сперанскаго* и письмо, сочиненныя пріятелемъ моимъ, ввѣрившимъ мнѣ эти замѣчательные матеріалы для современной Русской Исторіи, я имѣю честь препроводить въ Редакцію *Московитина*, покорнѣйше прося помѣстить ихъ въ ближайшей книжкѣ издаваемого ею Журнала. *А. Стурдза.*

Увѣдомясь въ свое время о кончинѣ бывшаго благодѣтеля и друга моего, знаменитаго Графа Сперанскаго, чрезъ одну изъ нашихъ вѣдомостей, крашко и холодно сіе возвѣстившую, въ какой-то поскѣ, всегда мною ощущаемой при безвѣстномъ погасаніи общественныхъ знаменитостей, написалъ я прилагаемую у сего Думу. — Она пришла къ сердцу многихъ лицъ, уважавшихъ память сего лѣтописнаго мужа, и пошла по рукамъ; а я, довольный изліяніемъ чувствъ, тѣснившихъ грудь мою, бросилъ ее въ свой портфѣль, запленный хранитель Думъ моихъ, и по старому подъячеству, считалъ дѣло конченнымъ и сданнымъ въ архивъ, — прошло нѣсколько лѣтъ, какъ вдругъ на-дняхъ, нахожу въ 11-мъ Но вашего Журнала не только запоздалую Біографію, но *переведенную съ Нѣмецкаго* и не совсѣмъ точную. Что за стыдъ, подумалъ я, неужели для краткаго жизнеописанія такого лица, какъ Сперанскій, не сшало уже и пера Русскаго? и эта мысль заставила меня раскрыть старый портфѣль мой и послать къ вамъ заброшенную мою Думу. Если прійдется она къ цѣли *Московитина*, и будетъ напечатана, то я могу и впредь доставлять *возможный выборъ* изъ моихъ матеріаловъ, о службѣ и дѣлахъ Сперанскаго, неразрывно связанныхъ съ лѣтописью того періода, который образовалъ онъ въ нашей современной исторіи, въ то время, какъ я имѣлъ честь служить подъ его начальствомъ.

Между тѣмъ, найдете вы здѣсь и отрывокъ изъ собственноручнаго письма его къ одному изъ Губернаторовъ сосѣднихъ съ Пензенскою Губерніей, писанное имъ въ то время, какъ и самъ онъ былъ тамъ Губернаторомъ. *М. М.*

ПИСЬМО М. М. СПЕРАНСКАГО КЪ М.

Пенза 25-го Ноября 1817 года.

Долго ли мнѣ молчать предъ Вами, любезный мой М. А.! — Это становится уже дѣломъ совѣсти.

Старая, споустая богиня, прежде еще К-ва принесла ко мнѣ вѣсти о Вашихъ подвигахъ. Какъ ни желалъ бы я, чтобы ни Вы, ни я, ничѣмъ не оплачались, но признаюсь, отъ души порадовался блистательнымъ, рѣзкимъ и вѣрнымъ чертамъ, конми начали Вы ваше управле-

сколькими рублевиками въ карманъ и съ благословеніемъ сельскаго Священника, опца своего, вошелъ препенною

ніе (*). Не отвѣчаю за послѣдствія, и кто можетъ ихъ угадать; но что сдѣлано, то сдѣлано свято. Самыхъ ненавистниковъ вашихъ Вы можете утѣшить тѣмъ, что были справедливы по строгой необходимости, и точно, какъ Вы говорите, потому, что у Васъ на роду такъ написано. И впрочемъ, другъ мой, правда, даже и въ сихъ низкихъ, мірскихъ отношеніяхъ, имѣетъ вѣрную связь съ великою истинною Христовой; ибо онъ есть глава и начало всякаго порядка естественнаго и гражданскаго. Воюй съ злоупотребленіями гражданскими, мы тѣмъ не менѣе воюемъ подъ его знаменами; ибо врагъ нашъ есть одинъ и тотъ же, Князь тмы въка сего, у коего всегда и вездѣ славно ошнать хотя одну раскаленную стрѣлу, выдернуть хотя одно перо изъ чорнаго его крыла. Мысль сія часто меня утѣшаетъ, нѣтъ середины: кто не Крестный Рыцарь, тотъ Донъ-Кишотъ на семь свѣтъ.

Читаете ли Вы Сіонскій Вѣстникъ? Тамъ, въ послѣднемъ мѣсяцѣ, есть письмо изъ Θεοδοσίи. — Это отъ нашего Брон.: я точно такое же отъ него получалъ. Въ глубинѣ сердца обрадовался я сильному чувству его обращенія. Сія сцена изъ духовнаго міра весьма ксшати приходящъ освѣтитъ мрачную атмосферу суешливой и заботливой нашей жизни.

Въ одномъ изъ Вашихъ писемъ, Вы дали мнѣ примѣнить, что Вы осуемились. Я думаю, что Вы тушь обманулись въ собственныхъ своихъ чувстввахъ. Когда день съ утра посвященъ молитвою Господу: тогда все дѣла шего дня, малая и большія, самая бездѣлка дѣлающа свята и принадлежатъ Его Промыслу. — Кидайте только чаще въ хранилище благодати лепту вдовицы, вздохъ, одну мысль объ Искупишелѣ, и — Вы никогда не осуеитесь. Краткое *Господи помилуй* заключаетъ въ себѣ силу несповѣдимую и дѣйствительно чудесную по мѣрѣ его поштеренія (**).

Прощайте, Христось съ Вами.

Р. S. Изъ Пдпербурга худыя вѣсти. Ц... вянетъ, переходя изъ одной болѣзни въ другую. Ж... также чрезмѣрно слабѣетъ. Но первый живетъ въ духѣ; а о послѣднемъ ничего вѣрнаго не знаю.

Р. S. Долго ли Вы будете у меня портить Ваши письма, складывая ихъ уголемъ, какъ складывали при Царѣ Горохъ? Подражайте мнѣ и прошу не уничать.

(*) Губернаторъ къ которому писано сіе, не всегда былъ съ нимъ согласенъ въ пониманіяхъ объ Управленіи Губерискомъ.

(**) Это относится къ той частии созерцательнаго ученія, которое заключается въ Филокаліи, о коей упомянуто въ біографіи Спер.

ногой, въ вѣропа Александрѣ-Невской Лавры. — И вѣсть онъ! — подъ раззолоченнымъ балдахинѣмъ погребальной колесницы, окруженный факелами и ѳиміамомъ блистающихъ кадиль, вѣзжае въ тѣ же самыя ворота — Графомъ Сперанскимъ, знатнымъ и знаменитымъ Синодникомъ Имперіи! — Такъ славный мореходецъ, преплывъ бурныя пучины, возвращается бездыханный въ ту мирную пристань, изъ которой вылетѣлъ некогда, полный жизни, на-гордо поднятыхъ вѣтрилахъ — на крыльяхъ надежды.

Для совершенія такого пупи много надобно выдержашъ бурь, миновашъ утесовъ, пройши спремнныя и распушій! Но утѣшительно то, что въ Россіи дорога сія каждому отличному дарованію и заслугѣ опкрыта. — Сперанскій знатный сынъ дѣлъ своихъ! — Повѣсть о немъ составишь блистательную страницу въ лѣтописи опечесивенной нашей славы и періодъ въ царствованіи Александра.

Завѣса смерти, со всѣми испещряющими ее ужасами, шумно упала. — За нею духъ на судъ Божию! — Предъ ней гробъ и дѣла! — Потомство съ безпристрастіемъ и сорока-лѣтняя дружба сквозь слезы ихъ размашприваютъ.

Сперанскій принадлежалъ къ числу тѣхъ рѣдкихъ мужей, которые являющіяся на политическомъ горизонтѣ, какъ вѣковыя свѣтила, и обшекая болѣе или менѣе обширную сферу, несясь болѣе или менѣе быстро, пылая болѣе или менѣе ярко, его озаряютъ, — всѣ смощающъ на нихъ, и — и гадаю — ожидающъ чего-то!

Онъ палъ на полъ чести — доблестей гражданскихъ. — Достойный одръ мужа, которому нѣтъ подобнаго въ нашей исторіи, по разнообразію обширныхъ и глубокихъ его познаній, по зоркости ума его, по смѣлому и высокому полету его мыслей, по дару слова, соединявшему силу и простоту съ какою-то неподражаемой очаровательностью, и которымъ изуспно и на

письмъ владѣлъ онъ безъ всякаго приуготовленія ловко и непринужденно, по быстрому объему и систематическому изложенію самыхъ отвлеченныхъ Государственныхъ предметовъ, по непосредственному участию его, въ продолженіи прехъ царствованій, въ важнѣйшихъ установленіяхъ.

Перейдемъ быстро штернскую стезю его жизни, дабы слѣдовать за нимъ на нивѣ гражданской его дѣятельности.

Сперанскій, сынъ сельскаго Священника Владимірской Губерніи (*), замѣченъ отличными ученикомъ тамошней Семинаріи и выбранъ въ Петербургскую Академію. Брошенный въ сей новый міръ, онъ прилежно учился, и особенные показалъ успѣхи въ краснорѣчіи; сдѣланный учителемъ, сочинилъ и преподавалъ курсъ Словесности. Девять лѣтъ проводилъ онъ въ прочтеніи всей, сряду, отличнѣйшей тогда по числу книгъ Академической библіотеки. И сіе обстоятельство рѣшило вкусъ и направленіе ума его на всю жизнь. Между тѣмъ извѣстность его въ Академіи перешла и въ городъ. Князь Куракинъ, занимавшій при Генераль-Прокурорѣ Вяземскомъ значительное званіе, захотѣлъ имѣть его учителемъ сына, и частнымъ секретаремъ. Сперанскій, принужденный принять сію должность, отправлялъ ее до восшествія на престолъ Государя Павла I. Тогда Князь Куракинъ пожалованъ въ Генераль-Прокуроры, а Сперанскій, изъ Академическаго званія, выгодно переименованъ въ гражданское. Здѣсь рѣшительно отрѣзавъ онъ отъ быша духовнаго, и началось гражданское его поприще. Будучи Секретаремъ Генераль-Прокурора, скоро дослужилъ онъ до чина Снапскаго Совѣтника. По смѣнѣ Князя Куракина Княземъ Лопухиннымъ и при Генералахъ Беклеуевѣ и Оболяниновѣ оспавался онъ постоянно болѣе или менѣе значущимъ лицомъ. При воца-

(*) Родовое прозваніе его Грамотинъ; а имя Сперанскаго есть пророчесственное прозвище, данное ему въ Семинаріи, для выраженія той надежды, которую подавалъ онъ въ самомъ дѣтствѣ.

реніи Государя Александра I нашелся онъ управляющимъ Коммиссіею снабженія Пепербурга хлѣбомъ. Незвѣстна причина сей необычайной выходки въ его службѣ. Но полагать надобно, что онъ принялъ сіе мѣсто только для перехода изъ Канцеляріи послѣдняго Генераль-Прокурора, и дабы имѣть время осмопрѣться въ бывшихъ тогда перемѣнахъ. За симъ вступилъ онъ правительствомъ дѣлъ къ Спашевъ-Секретарю Трошинскому. — Здѣсь пріобрѣлъ онъ большую значительность, писалъ самыя важныя бумаги, и особенно по случаю манифеста о кончинѣ Государыни Великой Княгини Александры Павловны, сдѣлался извѣстнымъ Государю, какъ человекъ съ отличнымъ дарованіемъ, пожалованъ въ Дѣйсн. Спашевскіе Совѣтники, въ Спашевъ-Секретари и получилъ пенсіонъ. Вскорѣ вышло образованіе Министерствъ. Графъ Кочубей, назначенный Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ, избралъ, изъ шрехъ Спашевъ-Секретарей, ему предложенныхъ, — Сперанскаго въ Директоры своего Министерства. Тутъ открылись дарованія его во всемъ ихъ блескѣ. Образованы разныя Департаменты В. Д. изъ бывшихъ до того Коллегій, и совершенно новый дѣловой міръ открылся и пошелъ въ спройномъ движеніи. Порядокъ Министерства отразился и на управленіи Губернскомъ. Положеніе объ уравненіи земскихъ и городскихъ повинностей, устройство столичныхъ и градскихъ полицій, положеніе о Евреяхъ, собраніе статистическихъ свѣдѣній о Россіи, благотворное учрежденіе рекрутскихъ участковъ, Министерскіе отчеты, правила и формы дѣлопроизводства въ Департаментахъ, положеніе о вольныхъ хлѣбопашцахъ — и многіе другіе равно важныя акты, писаны Сперанскимъ, и навсегда останутся образцовыми.

Въ неуспѣшно тяжкой работѣ сей, велъ онъ жизнь самую уединенную и скромную. На краю города, пропивъ Таврическаго сада, цѣлое утро занимался онъ дѣломъ, обѣдалъ съ шрема друзьями, тогда у него жившими, и попомъ до поздней ночи читалъ все, что спавило его въ современность съ успѣхами Европейскаго

просвѣщенія, предаваясь особенно изученію Философіи и наукъ полипическихъ. Но счастливая жизнь сія не долго для него продолжалась.

Предъ отъѣздомъ своимъ въ Эрфуртъ, Государь имѣлъ случай узнать Сперанскаго лично. Министръ занямогъ и послалъ его къ докладу съ своимъ портфелемъ. Государь былъ пораженъ умомъ Сперанскаго, ловкостью его доклада, знаніемъ дѣла и самою пріятностію чтенія; ибо дошолъ начальствующія лица давали Сперанскому предъ Его Величествомъ значеніе хорошаго редактора и усидчиваго за дѣломъ канцелярскаго чиновника. — Государь первый разгадалъ въ немъ человека Государственнаго. Онъ назначилъ его къ отъѣзду съ Собою, для доклада по дѣламъ гражданскимъ, и изволилъ хвалиться передъ нѣкопорыми изъ окружавшихъ Его Величество, что наконецъ нажилъ *собственнаго Марета*. Разныя лица.... полагали его способнымъ къ одной канцелярской работѣ и совершенно чуждымъ всехъ дворскихъ и общественныхъ отношеній, и во всю дорогу, отъ Петербурга до Эрфурта, хвалили Государю выборъ Сперанскаго. — Въ Эрфуртъ, подойдя къ нему на балъ, Государь спросилъ его: *»какъ находитъ онъ чужіе края, въ сравненіи съ Россією?»* Съ перваго взгляда, отвѣчалъ Сперанскій, *»мнѣ кажется, Государь, что здѣсь установленія, а у насъ люди лучше.»* Сими отвѣтомъ Государь такъ былъ доволенъ, что шутъ же изволилъ сказать ему: *»возвращаясь домой, мы съ тобою много говоримъ объ этомъ будемъ.* И точно, Сперанскій, по возвращеніи Государя въ Петербургъ, началъ имѣть частныя и продолжительныя доклады, коихъ однимъ изъ послѣдствій явился Государственный Совѣтъ, въ новомъ его образованіи, съ возведеніемъ Сперанскаго въ званіе Государственнаго Секретаря. Вышелъ общій уставъ Министерствъ и образованіе Министерства финансовъ, полиціи, военныхъ дѣлъ, съ частными ихъ уставами. Здѣсь Сперанскій, Государственный Секретарь, только по званію, имѣлъ на самомъ дѣлѣ вліяніе первенствующаго Министра на все дѣла, какъ по оппичной къ нему до-

вѣрности Государя, такъ и по установленному съ того времени обряду. Но, и на семъ высшемъ степені случайности, ненарушимо сохранилъ онъ спаринныя связи, уединенную жизнь, и простоту домашняго своего быта.

Когда внезапно всѣ органическія работы Государственной Канцеляріи оспановлены, извѣстіемъ, что война съ Наполеономъ неизбежна, тогда Государь озабочился единственно приготовленіями къ ней, и какъ Его Величество, такъ и Государственный Совѣтъ, занялись исключительно разсмотрѣніемъ учрежденія для большой дѣйствующей арміи, которое и издано въ началѣ 1812. — Работы Государя съ Сперанскимъ пріостановлены. — Сіе смутное и спрашное для Отечества время личная вражда нашла выгоднымъ къ оклеветанію Государственного Секретаря предъ Его Величествомъ. Не было возможности заняться обслѣдованіемъ, ибо общая безопасность настоятельно требовала только скорѣйшихъ мѣръ осторожности. — Сперанскій провелъ слишкомъ четыре года въ Нижнемъ-Новгородѣ, Перьми и Новгородской своей деревнѣ. Въ Перьми принужденъ онъ былъ продать свои брегетовскія часы, показывавшія ему до полъ однѣ минушы счастья и надеждъ — для содержанія себя, доколѣ не пріспѣла ему помощь Лазаревыхъ, съ семействомъ которыхъ онъ былъ всегда друженъ, и кои, прошивъ общаго обыкновенія, поспѣшили оказать ему важную услугу благодарности. По природному благодущію своему, Сперанскій одоужалъ многихъ. Одни Лазаревы и другъ молодости его, Арк. Ал. Спол., пріѣхавшій къ нему, его вспомнили. — Въ это время перевелъ онъ, съ Лашинскаго подлинника, изданное имъ въ пользу бѣдныхъ, *Подражаніе Христу*; и присовокупилъ къ нему крашкое извлеченіе изъ прочихъ твореній Оомы Кемпійскаго, которое естъ неподражаемый образецъ изящнѣйшаго слога, опрывокъ невиданной у насъ прозы. Онъ не замѣненъ на концѣ книги *Подражанія*, но рѣзко отъ нее отличаетъ, потому что Сперанскій, изъ преувеличеннаго почтенія къ слогу

подлинника, почти буквально переложилъ его; а духъ прочихъ сочиненій Оомы Кемпійскаго извлекъ и передалъ свободно, на творческомъ своемъ языкѣ. — Въ Новгородской деревнѣ занимался онъ, предпочтительно, изученіемъ Ошцевъ Церкви, писавшихъ о жизни созерцательной. Тамъ нашелъ онъ, въ одномъ сосѣдственномъ монастырѣ, книгу, въ которой собрано полное ученіе сихъ Ошцевъ, съ присовокупленіемъ дѣятельской его части (*). Онъ углубился въ него со всѣмъ порывомъ души высокой, и опъ гоненія земнаго уходилъ на Небо! — Тутъ послѣдовалъ переворотъ въ судьбѣ его. Онъ оправданъ Высочайшимъ Указомъ, и определенъ Начальникомъ Пензенской Губерніи; не долго пробывъ въ семъ званіи, назначенъ онъ Сибирскимъ Генералъ-Губернашоромъ. — Въ сей *Остѣ-Индіи нашей*, которую нашелъ онъ во всемъ ужасѣ самоуправства, открылъ и обличилъ онъ долготѣніи и важныя злоупотребленія, поставилъ имъ законныя преграды, и новымъ, сообразнымъ съ отдаленіемъ сей Области, Положеніемъ, обезпечилъ ея благосостояніе. — Какъ новый Ермакъ, онъ присоединилъ Сибирь къ общему благоустройству Имперіи. Жестокій климатъ сего края, заботы и шруды, особенно же мысль, что определеніе его шуда есть нѣкоторый родъ почетнаго удаленія опъ Государя, начали разспривать его здоровье. Онъ наспопашельно просилъ дозволенія пріѣхашъ въ Пешербургъ, и послѣ многихъ противодѣйствій, получилъ его, благодѣтельнымъ посредствомъ Князя Алек. Никол. Голицына, который представилъ Государю письмо Сперанскаго изъ Иркутска къ одному другу, сильно изображавшее горестное положеніе его здоровья, опъ климата, опъ разлуки съ дочерью, опъ безнадежности лично оправдаться во мнѣніи Государя; ибо онъ почиталъ свое служеніе въ Сибири новымъ родомъ изгнанія. — Благосклонно приняшый Государемъ, уклонился онъ опъ предложеннаго ему Минисперства, но

(*) Филокалія.

остался Членомъ Государственнаго Совѣта и Комитета Сибирскаго.

Новые труды его въ сихъ званіяхъ такъ всѣмъ извѣстны, что излишне было бы говорить о нихъ подробно. — Сводъ Законовъ, памятникъ въ печеніи спавшій недоделанный, сооруженъ имъ въ такомъ видѣ, что законодательный трудъ, во время Θεодосія совершенный, не можетъ выдержавъ никакого съ нимъ сравненія. — Въ послѣднее время знаменитой своей жизни, вѣнцемъ славы почивалъ онъ счастіе, котораго удостоился, бывъ преподавателемъ Высшаго Законовѣднія Государю Наслѣднику. — Въ бытность его въ Одессѣ не задолго до смерти, радостно воспоминалъ онъ, какъ въ присущіи Ихъ Императорскихъ Величествъ, съ удовольствіемъ внималъ ему шопъ, который самъ будетъ некогда Законодателемъ 50-ти народовъ; и рассказывалъ, что Государь Цесаревичъ, вездѣ гдѣ послѣ того встрѣчалъ его, всегда искалъ заводить съ нимъ разговоръ о семъ плѣтившемъ его предметѣ. И это естественно; ибо Сперанскій, посвятивъ всю жизнь на его изученіе, конечно, одинъ могъ преподавъ его со всею прелестью обширнаго ума, и очаровательнаго, Государственнаго краснорѣчія, коего былъ и творцемъ и первымъ у насъ подлинникомъ. — Такой преподаватель былъ достоинъ такого Слушателя!

Огромный капиталъ Комиссіи Духовныхъ Училищъ, составившійся изъ свѣчныхъ доходовъ церквей, есть счастливая мысль Сперанскаго. Сироты духовенства, нынѣ призрѣнные и до высшихъ духовныхъ степеней образующиеся, равно какъ и обезпеченіе состоянія Семинарскихъ и Академическихъ воспитанниковъ, суть равнымъ образомъ плоды его предположеній, въ бытность Членомъ Комиссіи Духовныхъ Училищъ. — Много принесли жершвъ и воскуривъ кадиль умилощивленія, предъ Святыми престолами Божиими, много вознесушъ моливъ и вздоховъ сироты и вдовы духовенства, при извѣстіи о его кончинѣ! И теперь это нужно ему всѣхъ нашихъ похвалъ и прославленій. — Положивъ въ-

нокъ гражданской доблести на надгробный его камень, молодой Россіянинъ скажетъ, въ благородномъ порывѣ народнаго чувства: *Вотъ какихъ людей Россія имѣла!* и гордымъ шагомъ поидетъ отъ него. — Но мы, окруженные развалинами современныхъ съ нами Царствъ, очевидные свидѣтели паденія сполькихъ сильныхъ земель, мы разочарованные отъ обоянія всѣхъ родовъ славы, не остановимся на семъ мраморномъ ея рубежѣ, и воздавъ праведную честь знамениному *Сановнику*, поидемъ далѣе *за челоуѣкомъ!

Сперанскій былъ, независимо отъ отличныхъ его дарованій, одно изъ тѣхъ изящныхъ существъ, кои при разныхъ образахъ мѣнѣй, чрезъ копорыя всякій мыслящій челоуѣкъ, болѣе или менѣе, проходитъ, *вездѣ и всегда добры*. Пѣжный мужъ и отецъ единственныи, домосроишель, кропкѣй челоуѣкъ, великодушныи прошивъ враговъ своихъ, благошворительныи и щедрыйкъ бѣднымъ, — вопъ шишла и отличія, копорыя понесъ рабъ Божѣй Михаилъ съ собою — шуда, въ новое, вѣчное свое гражданство! — Все прочее брошено на пороѣ тѣсной двери, копорою прошель онъ шуда.

Наушисшвуемъ же и мы душу его шакимъ молишвеннымъ издохомъ, копорый былъ бы ей во ушлышаніе благопріятное: Помяни, Господи, раба Твоего во царствіи Твоемъ!

М. М.

Одесса. Мартъ, 1840.